

Патриция Деотто

Дневник как пограничный жанр

Посвящая этот раздел журнала теме дневника, мы стремимся внести свой вклад в исследование жанра, ставшего предметом систематического анализа позднее, чем иные виды автобиографического письма.

В последние десятилетия двадцатого века литературная критика с нарастающим интересом обращалась к исследованию дневниковых практик, пытаясь определить характерные особенности этой разновидности автобиографического текста, столь разнородной и сложной по своей сути, что для нее невозможно подобрать полного и окончательного определения.

Как отмечает Симоне-Тенан, “открытая и свободная форма дневника, время, запечатленное в живой ткани личных и частных заметок, с трудом поддается жестким классификациям” (Simonet-Tenant 2004: 29).

Отношения со временем – ключевой элемент для дефиниции дневника, который, вне зависимости от принадлежности к той или иной типологии, обладает рядом обязательных свойств: это подчи-

ненная календарному принципу последовательность фрагментарных записей, датированных и расположенных в хронологическом порядке, но не обязательно отмеченных регулярностью. В этих записях автор с субъективной точки зрения фиксирует личные впечатления, а также размышления научного, исторического, социального характера¹.

Кроме этих основополагающих элементов самого жанра дневника, важно выделить два основных направления, по которым движется дневниковая проза.

В личном дневнике автор занимается самоизучением, намечая черты собственного образа, который вырисовывается постепенно, с течением времени. Он не следует систематическому плану, но продвигается поступательно, меняя свои взгляды, повторяясь, споря с самим собой, постоянно обращаясь к прошлым записям. “Дневник – открытое произведение [...], которое подчиняется логике чередова-

¹ О взаимосвязи дневниковой прозы и категории времени ср. Lejeune, Vogaert 2006, Rousset 2003.

ний, непоследовательности, и не стремится избегать противоречий” (Gusdorf 1990: 317-318).

Это письменное фиксирование непосредственно происходящего, настоящего, ему суждено постоянно обновляться. Поэтому запись повседневности по своей структуре априори не поддается синтезу, не позволяет пишущему выстроить собственную жизнь в линейной перспективе рассказа, как это происходит в автобиографии. Тем не менее, автор дневника, читающий и перечитывающий самого себя в поисках той целостности, которой не достаёт существованию как таковому, в перечитывании находит элемент, скрепляющий существование, фактор, который обеспечивает последовательность, субъективную и литературную, лежащую за рамками неоднородной повседневности².

Наряду с классической формой дневника, понимаемого как рефлексия пишущего о собственном внутреннем изменении через описание “уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит”

² Подробнее о перечитывании как условии обеспечения взаимосвязи ср. Kunz Westerhoff 2019.

(Лотман 2000: 164), развивается и дневниковая форма, в большей степени ориентированная на хронику текущих событий, отзывающаяся на внешние стимулы, в которых персональное измерение может быть отчасти завуалировано. На первый план здесь выходит фиксация действий и событий в их развитии. Однако в отличие от хроники, которая представляет собой безличную запись, пересказ событий определенной эпохи день за днем, дневник – произведение, состоящее из множества мелких временных отрезков, которые подчеркивают становление эпохи. Таким образом формируются воспоминания, не застывшие в прошлом, поскольку “в них читается развитие происходящих событий, их связь, невидимая или еще не явная” (Scrivano 2014: 77).

В личном дневнике его автор, из прожитого выбирая материал для своих записей, организует свой жизненный опыт в ряд заметок, которые делают этот опыт запоминающимся (Lejeune, Vogaert 2006: 28). В дневнике, ориентированном на запись хроники событий, дневниковая запись воспринимается как документ, которому предстоит остаться в веках, как свидетельство, кото-

рым следует поделиться. Эта его функция становится тем более очевидной, как только дневник превращается в публичное и общедоступное достояние и “из акта рефлексивного становится актом коммуникативным” (Scrivano 2014: 49).

С частным и публичным измерением дневника связан один из самых интересных вопросов, к которым литературные критики обращались в последние десятилетия: речь идет о присутствии адресата в тексте, на первый взгляд замкнутом на самом себе. Одним из первых диалогическую форму в структуре дневника выявил женеvский исследователь Жан Руссе. Принимая во внимание различные коммуникативные уровни дневника (от тайного до рассчитанного на распространение), он разработал таблицу возможных адресатов, ранжированных в порядке значимости от читателя отсутствующего, виртуального или исключенного, до читателя непрошенного, терпимого, допустимого или желаемого (Rousset 1983). В дневниковой прозе особенно интересным оказалось выявление речи, обращенной к адресату, зачастую совпадающему с автором, ведь создатель дневника пишет прежде всего

для себя самого. Совпадение автора дневника и его читателя является предпосылкой для того процесса коммуникации с самим собой, который актуализирует одну из основных характеристик дневникового жанра: перечитывание как повод для все новых размышлений о самом себе.

В писательских дневниках диалог с самим собой служит не только для методичного и регулярного самоанализа. Нередко благодаря саморефлексии дневник становится творческой лабораторией, которая дает возможность оценить развитие и сложности в претворении определенного художественного замысла.

Работы, включенные в этот раздел, предлагают обширную панораму разновидностей дневниковой прозы и различных функций дневника в русской культуре.

В XIX веке распространение практики ведения дневника не только в литературных кругах, но и в самых разных слоях общества, способствовало развитию и разграничению различных его типологий³. В статье Дамиано Ребеккини в центре внимания оказывается

³ О жанре дневника в XIX веке см. Егоров 2003 и Вьолле, Гречаная 2006.

дневник, который в период становления (1826-1839) вел цесаревич Александр Николаевич, будущий Александр II. Автор стремится определить те модели дневниковой прозы, которые повлияли на дневниковое письмо наследника престола. Он рассматривает образцы дневников, распространенных при дворе Николая I, обращая внимание на их функциональные различия. Романтическая культура личного дневника привела к распространению практики, ориентированной на исследование "Я" и нашла воплощение в двух моделях: дневник как друг и хранитель самых сокровенных чувств и переживаний, как в случае великой княгини Александры Федоровны, и дневник, который ведется с целью саморефлексии и самосовершенствования, как в случае Василия Жуковского, наставника Александра Николаевича. Их противоположностью выступает дневник Николая I, начисто лишенный интроспекции. Для него ведение дневника это лишь способ зафиксировать некоторые факты своей жизни и развить самоконтроль и самодисциплину. Бартош Осевич в своей статье анализирует *Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-*

Западный Тибет. 1889-1890 годов Бронислава Горбачевского, генерала царской армии при царе Александре III и Николае II, выявляя характерные черты путевого дневника, жанра, широко распространенного в России XIX века. В период экспедиции, принятой по поручению Русского географического общества, главой которого был сам Император, истинной целью которой была разведывательная работа, Горбачевский ведет дневник, в который заносит сведения по географии, этнографии и истории, чередуя их с личными, подчас интимными впечатлениями, показывая, что автор не подвергал свои записи автоцензуре и в дальнейшем не правил свою рукопись. Его целью было зафиксировать все, что произвело на него впечатление и натолкнуло на личные размышления. Наум Резниченко обращается к XX веку, анализируя довоенные дневники поэта Давида Самойлова. Он выделяет в них, с одной стороны, характерный для подросткового возраста опыт, повлиявший на становление личности поэта, с другой – начало процесса морального созревания и рефлексии о смысле истории, об идеологических позициях и об участии в общественной жизни.

ни, который окончательно вызревает в дневниках военного времени, становясь отражением надежд и сомнений поколения сороковых годов. Николай Богомолов подвергает сомнению утвердившуюся в годы перестройки идею о том, что в сталинский период дневник стал жанром, к которому реже всего обращались писатели. В своей статье ученый указывает на целый ряд дневников, созданных именно в эти годы⁴, а также в период “оттепели” и вновь открытых именно в последнее десятилетие прошлого века. Анализируя функции, которые обретает дневниковое письмо у различных авторов, он рассматривает следующие проблемы: значимость ведения личного дневника для писателя, вопрос о том, сохранять ли его частным или сделать публичным и необходимость формирования собственного образа для возможного читателя с помощью стратегий, адекватных определенному моменту развития истории и культуры. По мнению Николая Богомолова, последний аспект особенно проявляет себя в нашу эпоху, для которой характерно

⁴ О дневниках советской эпохи, в частности, в сталинскую эпоху ср. Paperno 2009.

все более широкое распространение дневника как публичного жанра, рассматриваемого как “одно из выразительных средств строения собственного писательского облика”. Нередко перечитывание дневника приводит к редактированию или изъятию некоторых частей, а иногда и к полному уничтожению дневника. Татьяна Двинятина, исследуя дневники Бунина двадцатых годов и сравнивая их с дневниками его жены Веры Буниной, обращает внимание на то, как включаются два типа памяти писателя в фазе написания и последующей переработки текстов: память записей, посвященных конкретным событиям и “глубоко личная, интимная память, убираемая из пространства доступного и своим и чужим глазам текста”. Эти вопросы она связывает с “вопросом о вольности и невольности человека в пространстве своей судьбы и посмертной молвы о нем”. Документальная и публицистическая функция дневника становится объектом анализа в статье Дмитрия Николаева, посвященной газетному тексту *Окаянных дней* Бунина, опубликованному в 1925 году в «Возрождении». Автор выделяет в дневниковой прозе Бунина сочетание

двух возможных уровней прочтения, – политического, связанного с идеологической борьбой, которая разворачивалась в 1925 году, и документального, позволявшего читателям эпохи принимать описание событий 1919 года за подлинные дневниковые записи.

Как мы указывали, проблема адресованности дневника остается одной из центральных при изучении дневниковой прозы. Ирина Савкина рассматривает ее, анализируя три дневника молодых людей советского времени и уделяя особое внимание “внутренней адресованности дневника, то есть, тому, как в дневниковом нарративе конструируется внутренний адресат, во многих случаях не названный и даже осознанно не подразумеваемый автором”. Сергей Доценко в своей работе рассматривает дневник А.А. Блока как творческую лабораторию, из которой можно извлечь новую гипотезу для интерпретации фигуры Христа в поэме *Двенадцать*.

Сборник завершается статьей Татьяны Кузовкиной, посвященной юношеским дневникам Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц. Эти дневники обнаруживают ряд сходных черт, начиная с причины, побудив-

шей обоих ученых вести записи: стремления к самопознанию и самовоспитанию. Эти тексты ценны не только с биографической точки зрения, дающей представление о неизвестных сторонах личности обоих ученых, но интересны и тем, что являются примером возможных функций дневника, и в частности, дневника литератора. Это не только хранилище, которомуверяют чувства и размышления о самом себе, но и место для записи мыслей о прочитанном, возможных замыслов, которые будут в дальнейшем переработаны и глубоко изучены в статьях или в исследованиях (ср. прочтение Лотманом *Заката Европы* О. Шпенглера). Дневник может стать лабораторией стиля, или полем поэтических упражнений, а может быть и просто документом повседневности, как например, описание советского быта и университетской жизни в начале сороковых годов в свете размышлений о советской идеологии и об антисемитизме у З.Г. Минц.

Широкий и разнообразный спектр функций дневника, представленный в этом разделе, и возникающие в этой связи вопросы открывают перспективы для дальнейших исследований нарративных воз-

можностей сложного и изменчивого дневникового жанра с его зыбкими границами меж-

ду повседневностью и литературой.

Библиография

Gusdorf 1990: G. Gusdorf, *Lignes de vie 1. Les écritures du moi*, Odile Jacob, Paris, 1990.

Kunz Westerhoff 2019: D. Kunz Westerhoff, *Le journal intime. Méthodes et problèmes*, Genève, Dpt. de français moderne <https://www.unige.ch/lettres/framo/enseignements/methodes/journal/> 4 декабря 2019.

Lejeune, Bogaert 2006: Ph. Lejeune, C. Bogaert, *Le journal intime. Histoire et anthologie*, Textuel, Paris, 2006.

Paperno 2009: I. Paperno, *Stories of the Soviet Experience. Memoirs, Diaries, Dreams*, Cornell University Press, Ithaca, London, 2009.

Rousset 2003: J. Rousset, *Le journal intime, texte sans destinataire?*, «Poétique», 1983, 56, pp. 435-443.

Scrivano 2014: Fabrizio Scrivano, *Diario e narrazione*, Quodlibet, Macerata, 2014.

Simonet-Tenant 2004: Françoise Simonet-Tenant, *Le journal intime. Genre littéraire et écriture ordinaire*, Téraèdre, Paris, 2004.

Вьолле, Гречаная 2006: К. Вьолле, Е.П. Гречаная, *Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIXв. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции*, К. Вьолле, Е.П. Гречаная (ред.), ИМЛИ РАН, Москва, 2006, с. 57-ш.

Егоров 2003: О.Г. Егоров, *Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра*, Флинта, Наука, Москва, 2003.

Зализняк 2010: Анна Зализняк, *Дневник: к определению жанра*, «Новое литературное обозрение», 2010, 6 (106), с. 162-180.

Лотман 2000: Ю.М. Лотман, *Внутри мыслящих миров, // Он же, Семиосфера*, Искусство, Санкт-Петербург, 2000, с. 150-389.

Михеев 2007: М. Михеев, *Дневник как эго-текст*, Водолей, Москва, 2007.

